

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. осуществлялось в атмосфере постепенного утверждения нео-(постне) классической рациональности и обновления аналитического аппарата отечественных социально-гуманитарных наук в обстановке ликвидации идеологических барьеров и господства формационной теории, а также под влиянием антропологического, лингвистического и других «поворотов», в преодолении постмодернистского «вызова». Исследователи со второй половины 1990-х гг. всё чаще стали использовать социокультурные характеристики изучаемой эпохи для формирования представлений о психологическом портрете отдельных социальных групп, о преобладавших ценностных ориентациях, не ограничиваясь выделением только материальных мотивов поведения, обращаясь к сложившимся у представителей той или иной среды (региональной, профессиональной, конфессиональной) общего и особенного в образах мышления.

Проблемное поле, сложившееся в историческом знании о российской цивилизации, приобрело многомерный характер в результате приверженности учёных как к прежним, так и к новым исследовательским стратегиям, возникшим в переходах: от теоретического монизма в направлении «безбрежного» плюрализма; от описательности «как это было?» в стиле позитивизма и классической рациональности к представлениям о социальных трансформациях и модификациях, полученным в резуль-

тате неклассических и нео-(постне) классических процедур понимания и объяснения, «почему и каким образом это произошло?»; от узко предметной к интердисциплинарной истории; от главенства в методологическом аппарате триады принципов: объективность, научность и историзм – к технологиям полидисциплинарного синтеза; от различных версий истории государства в общеполитическом, экономическом или региональном контекстах к целостному восприятию общества и его структур, включая государство, как единого организма, проживающего свой жизненный путь, организационно-техноэкономическое развитие которого соответствует определённой ступени развития человечества.

Исследование показало, что процесс концептуализации указанной ниши знаний шёл по пути умножения точек зрения, идей, нередко сотканных из противоречивых суждений или противоречащих устоявшимся историческим знаниям. В процессе анализа (с помощью конкретно-исторических методов) дефиниций, на которых, как правило, лежала печать предметных и мировоззренческих предпочтений авторов, было обнаружено несоблюдение пропорций между предполагаемым уровнем информативности определяемого и выбранными признаками, не соответствующими требуемому уровню обобщения.

Пионерным проектом в освещении социокультурной динамики в истории России явился опубликованный в 1991 г. трёхтомный труд А. С. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта»¹, положивший начало новому горизонту междисциплинарного изучения прошлого с использованием достижений различных областей знаний: исторической социологии, истории хозяйства, культурологи. В это время в проблемном поле цивилизационных знаний с особой остротой актуализируется поиск определения понятия цивилизации, который в течение

---

¹ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). – Т. I. О прошлого к будущему. – 2-е изд. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 804 с.; Он же. Россия: критика исторического опыта. – Т. II. Теория и методология. Словарь. – 2-е изд. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 600 с.

всего рассматриваемого периода вёлся по двум взаимоисключающим направлениям.

Последователи первого направления (С. А. Бабушкин, В. В. Груздева, О. А. Донских, В. П. Илюшечкин, С. Г. Кара-Мурза, Н. В. Клягин, Г. Ю. Колева, А. М. Ковалёв, В. Д. Комаров, В. М. Лукин, Е. С. Ляпин, А. А. Мигولاتьев, Л. И. Новикова, Л. Г. Олех, Ю. К. Плетников, Л. И. Рейснер, Э. В. Сайко, П. И. Смирнов, И. Л. Экарева и другие) видели в цивилизации стадию, фазу, этап развития или способ существования общества. Новизна точек зрения заключалась в попытках включения в формационную аналитику элементами культурологической. Однако в содержательном плане по-прежнему детерминировали материальные факторы и приоритеты государства, поэтому цивилизационное измерение истории больше напоминало характерное для советской историографии историко-социологическое.

Второе направление развивали сторонники взглядов на Россию как на локальную цивилизацию в виде целостного социального организма с полным жизненным циклом «зарождение – расцвет – упадок», полагавшие в основу разрабатываемых концепций идеи о консолидирующей роли определённого сочетания факторов: конфессионального, территориального, социокультурного, природно-климатического, этнического, историко-событийного, институционального. В работах И. Д. Афанасенко, В. И. Большакова, В. Л. Калашникова, Я. А. Кеслера, О. А. Платонова, Р. П. Толмачёвой, В. А. Тонких, А. Г. Чусовитина, Ю. Л. Ярецкого и других, написанных в формате «тысячелетней истории», подчёркивалось влияние традиций и ментальных структур общественного сознания на формирование тех особенностей во всех сферах жизнедеятельности российского общества, которые его выделяют в сравнении с другими цивилизационными сообществами. Дискуссии и прикладные исследования благотворно влияли на структурирование рассматриваемой ниши исторического знания.

Следствием изучения историографической ситуации, показавшей, с одной стороны, наличие проверенного алгоритма составления классической дефиниции, а с другой – богатый аналитический материал, не прошедший систематизацию по классической схеме, стали предложенные автором дефиниции, позволяющие преодолеть общее слабое для работ место – путаницу в понятийном аппарате:

– локальная цивилизация – это часть человечества, проживающая в пространстве и во времени суперэтнуса, объединённая комплементарными многовековыми традициями в социальном мышлении и самоорганизации;

– цивилизационный подход – это методологическое направление, обеспечивающее изучение процессов формирования и функционирования в рамках пространства и времени суперэтнуса комплементарных многовековых традиций в социальном мышлении и самоорганизации;

– теория локальной цивилизации представляет собой совокупность концепций, сфокусированных на неоклассической интерпретации проблемы менталитета в истории общества, раскрывающих сущность локальной цивилизации на основе принципов цивилизационного подхода.

В рассматриваемый период историческое знание о российской цивилизации находило своё оформление в концепциях, представлявших все три формы научного познания, соответствующие типам рациональности: классической, неклассической и нео-(постне) классической, что являлось барьером для позитивного диалога между учёными в поиске консенсуса в эпистемологическом плане. В результате возникали квазиидеи, основанные на универсализации отдельных понятий с дальнейшим построением схем для объяснения цивилизационной специфики России, как это случилось с её отнесением к манихейскому или варварскому типу цивилизации.

Развивался аналитический ресурс научных представлений о времени российской цивилизации. Посвящённые им концепции различались в зависимости от того, какому типу измерения

темпоральности отдавалось предпочтение: линейному, циклично-волновому или энергофизиологическим характеристикам этнических полей. Приверженцы концепций линейного времени, тяготевшие к постижению истории по стадиям развития (прогресса), по существу, повторяли уже известную периодизацию истории государства. Сторонники циклично-волнового подхода резонно утверждали о тесной взаимосвязи между циклической динамикой социальных сфер и жизненными циклами полиэтнического пространства. Представители главным образом междисциплинарных с естественными науками областей знаний сосредоточились на поиске энергетической природы этнического времени, определяющего продолжительность фаз жизни локальной цивилизации. Следствием концептуализации данной ниши знаний стали выводы о нейрофизиологической природе психических процессов, участвующих в консервации аккумулированной психической энергии этноса в особых формах (архетипах), предопределяющих природу бессознательного.

Выделено три основных направления пополнения исторического знания сведениями о пространстве российской цивилизации. Одна группа исследователей, продолжив традицию русских мыслителей XIX в., рассматривала данный тип пространства как территорию/жизненную среду обитания общества, имеющую многофакторное измерение границ: ландшафтное, климатическое, политическое, языковое, ментальное, по стилю жизни, трудовым навыкам населения и другим социальным параметрам, указывая при этом на ключевое значение этнического фактора.

Другая группа обществоведов пыталась определить искомое пространство относительно Запада и Востока. Взятые за точку отсчёта признаки обуславливали логику авторских суждений. Таким образом, основные версии давали свои названия цивилизации: славянская, русская, советская, евразийская, православная, восточно-христианская, православно-славянская, российская. Самостоятельным направлением яви-

лась практика осмысления пространства в фигурах идентичности, умножавших исследовательские подходы с помощью синтаксических конструкций, синонимичных понятию тождества. Тем не менее учёные перешли от изучения отдельных составляющих цивилизационного пространства, выступавших как часть, элемент более сложной социальной (этнической) системности, к выявлению и объяснению связности и природы отношений между ними, накапливая тем самым аналитический материал для осознания в дальнейшем пространства российской цивилизации как целого.

В процессе анализа историографических источников была установлена прямая зависимость между дефиниционным тупиком, отсутствием перспективных идей и уязвимостью работ в методологическом плане. Авторы не столько декларировали понимание цивилизационного подхода, сколько чаще обходились общими рассуждениями о его эвристическом потенциале в сопоставлении с формационной стратегией, но при этом обращались к цивилизационной проблематике, руководствуясь общими принципами научного познания, нередко не различая принципы и методы исследования. Вместе с тем в рассматриваемый период активно развивались эпистемология и аналитическая история и теория истории, вооружавшие научное сообщество чётким пониманием сложной архитектуры любой методологической стратегии, которая должна опираться на философские принципы, принципы эпистемологического уровня, общенаучные и предметные принципы, максимы, фиксирующие авторское видение положения ключевого субъекта в общей системе знаний, в историческом процессе и его внутренней природы.

Следствием анализа данного сегмента историографии, в котором были выявлены исходные условия, с одной стороны, наличие чётко структурированных знаний о методологическом инструментарии, а с другой – отсутствие самой постановки вопроса об особой комплектации цивилизационного подхода, яв-

ляется вывод о ключевом значении в указанной стратегии определённой группы принципов:

– историзма, нацеленного на учёт взаимосвязи между возрастом российской цивилизации и качественными характеристиками присущих ей) в конкретный период явлений (процессов;

– холизма (эмерджентности), способствующего формированию представлений о пространстве цивилизации как целостности, свойства которой не должны сводиться к свойствам составляющих его структур (элементов) и связей, но в их понимании должно непременно присутствовать ощущение целого как контекста;

– психологизма, направленного на выявление специфики экзистенциальных представлений людей о мире и о себе, обусловленных менталитетом, верой, мировоззрением, ориентирующего на фиксацию общего и особенного в социокультурных портретах локальных цивилизаций.

Выделен и определён объём историко-психологического ресурса методологии исторического познания российской цивилизации. Его разработка велась представителями не только исторических, но главным образом других социально-гуманитарных наук в проблемном поле менталитета, но уже в фокусе истории как типа когнитивной исследовательской деятельности в референтных областях знаний.

В результате анализа этой ниши в историографии было выявлено доминирование феноменологического подхода, нацеленного на определение структуры менталитета и его соотношение с ментальностью, на описание различных форм их проявлений в истории и установление сходства/отличий с культурой. Феноменологическая стратегия пережила период бурного развития с конца 1990-х гг. до 2007–2008 гг., что впрочем не привело к широкому использованию её аналитического ресурса в историческом знании о российской цивилизации. Были выявлены полифункциональность и когерентность этнического менталитета, выраженные в согласованной глубинной связи

всех уровней и форм психики индивидуума и социальных групп, множилось количество идей, касающихся его структуры, которая представлялась в различных конфигурациях: по уровням психики, сфероцентричной, виде антропоморфной и трансформационной моделей.

Вместе с тем у новых знаний было обнаружено слабое место – дефиниционный тупик, связанный с путаницей между менталитетом и ментальностью, с включением в менталитет элементов уровня осознаваемого и логического мышления, не нуждающихся в дополнительной идентификации. Некоторыми обществоведами в контексте ментальной проблематики были усвоены гипотезы об уровнях психики (область общей психологии) и архетипах (область аналитической психологии), но этого оказалось недостаточно, чтобы завершить поиски структуры менталитета, превратившиеся в перманентную процедуру.

Итогом изучения состояния аналитического ресурса историко-психологического знания явилась идея о горизонтальной структуре менталитета русских, представленной автором в конфигурации определённых архетипических образов – наследуемых форм психики, которые постоянно актуализируются в режиме длительного влияния таких устойчивых факторов жизнедеятельности, как: природно-климатическая среда; характер внешнеполитического окружения; особые свойства ресурсной базы; ценностные императивы, сплотившие индивидуумов в этническое сообщество. Идея прошла экспертизу на примере трудов разработчиков современного исторического знания, в которых отложились интерпретации устойчивых во времени большой длительности мобилизационного типа развития российского общества и державности в виде многовековой утопии об идеализированном образе российской государственной власти, которые несут на себе печать проявления глубинной (архетипической) коллективной памяти.

В рассмотренной нише отечественной историографии исследователями по результатам обобщения обширного материала из исторических и смежных с ними областей знаний были

высказаны идеи и сформулированы теории среднего уровня в обоснование циклично-волновой природы времени цивилизации, её многомерного во всех сферах жизнедеятельности и полиэтничного пространства, которые в совокупности могут рассматриваться в качестве платформы теоретического понимания её целостности в проекции соответствующих научных проблем:

– факторов жизнедеятельности цивилизации: концепция социоестественной истории Э. С. Кульпина и Л. М. Милова; концепция о социальных диффузиях (Е. В. Алексеева), теория этногенеза (Л. Н. Гумилёв), развивавшие, в том числе, идеи, изложенные в своё время русскими (Н. А. Бердяев, Н. Я. Данилевский, Н. О. Лосский, В. О. Ключевский, Л. И. Мечников, П. Н. Савицкий, П. А. Флоренский и др.) и зарубежными (О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, Ф. Бродель и др.) историками и философами;

– времени цивилизации: идея о потоках социального и этнического времени (И. А. Петрова); концепция жизненных циклов суперэтнуса (Л. Н. Гумилёв); идеи о поколенных циклах (Б. И. Каверин, Э. С. Кульпин); идеи о психоэнергетической природе этнического времени (Л. Н. Гумилёв); идеи о психологическом резонансе (Д. В. Ольшанский); концепции циклов социальной истории (С. Ю. Глазьев, С. А. Нефёдов, В. И. Пантин, П. А. Сорокин, Ю. В. Яковец и др.);

– пространства цивилизации: идея о соотношении этнического и социального пространств (Г. П. Кибасова); концепция структуры этнического пространства (Л. Н. Гумилёв);

– этнического менталитета и ментальностей социальных групп: теория архетипов (русские последователи учения К. Г. Юнга); идеи о функциях бессознательного в жизни человека (З. В. Сикевич, В. П. Симонов и др.); идеи о ментальных структурах (А. Я. Гуревич и др.); идеи о неосознаваемых стереотипах мышления и поведения (результат творчества многих отечественных психологов, историков, философов); идеи о подсознательных автоматизмах (Д. Н. Узнадзе и др.); идея горизонтальной структуры менталитета русских (Н. М. Морозов).

Завершая изложение итогов концептуализации исторического знания о российской цивилизации, отметим, что в вопросе о её свойствах учёные вплотную подошли к ответу, скрытому в области знаний о структуре бессознательного, особая конфигурация которой, как полагаем, и составляет этнический менталитет.

Настоящим исследованием подтверждается перспективность дальнейшего изучения ещё не рассмотренных, но равноценно важных элементов ментального поля русских и их проявлений в живой ткани прошлого и современности, усвоение которых имеет значение для принятия и реализации взвешенной стратегии развития России, учитывающей традиционные особенности общества и его институтов.

Полученные результаты позволяют ответить на волнующий умы интеллектуалов вопрос: «Имеет ли право на существование история российской цивилизации, или цивилизационные знания призваны предоставлять только специфичную исследовательскую оптику?». До сих пор написанные её версии являются пробным опытом, во многом компилирующим объектную историю, преимущественно государства. История локальной цивилизации представляется нам историей конкретного суперэтноса, историей не столько объектной, сколько субъектной с описанием динамики различного рода связей и отношений, в которых находились друг к другу человек и природа, человек и общество, человек и власть, человек в социуме и его внутренний мир, человек и семья. Её основные периоды соотносятся с фазами жизненного цикла суперэтноса, внутри которых прослеживается взаимосвязь синхронных потоков этнического и других типов социального времени в режиме изменчивости религиозных, идеологических, научных, этических и иных установок поколений, и влияния ментальных структур.
